

Из литературного наследия

АЛЕКСАНДР ЯШИН:

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

Прозу Александр Яшин писал давно, еще в начале своего творческого пути. Но работа эта была долгое время эпизодической: главным его призванием оставалась поэзия. И вот в 60-е годы все чаще вспоминает он пушкинскую строку «Лета к суровой прозе клоняты» и, как бы подчиняясь общему закону, вдруг спохватывается, словно что-то упущено: «Если бы мне удалось написать то, что задумано, продумано, прожито, осмыслено, — я купил бы свою вину перед собой, что слишком долго не брался всерьез за прозу». Богатые жизненные впечатления, опыт потребовали иной формы выражения. Проза стала существовать в его жизни наравне с поэзией.

При жизни писателя далеко не вся его проза была опубликована. Например, повесть «Высочка» была напечатана через 12 лет после кончины автора. А повесть «Баба Яга», которую Федор Абрамов считал одной из лучших у писателя, — еще позже. Некоторые вещи, являясь самостоятельными, возможно, стали бы частью более крупных произведений. Но этого не произошло по ряду причин: темы, за которые брался писатель, были серьезные, важны, можно сказать — глобальны и, помимо собранного материала требовали еще и времени для осмысления, чтобы взглянуть на него как бы со стороны, обобщить; встречалось в штыхи кровное участие писателя в жизни страны, о котором он сам говорил так: «Если бы предположить, что выступления писателей, знающих деревню, принимались как сигналы, многое плохое можно было бы остановить раньше...»; выступления подвергались нападкам и несправедливой критике, а это надолго выбивало из рабочей колеи. Трудное досталось время поколению Александра Яшина.

Спустя тридцать лет после первой публикации рассказ «Рычаги» был недавно напечатан в «Неделе» и зазвучал вполне современно. А сколько пришлось пережить в свое время, чтобы понять для себя, что первую «неудачу» и надо было принять за настоящий успех. Еще в 1957

году он писал по этому поводу: «...А не понравился первый рассказ, и машина сразу заработала. Хотя я хотел хорошего. Рассказ продиктован болью за многострадальных моих земляков. Я живу с ней в сердце уже много лет...»

Обвинения в очернительстве действительности после опубликования «Рычагов», кампания против повести «Вологодская свадьба» обескуражили писателя, дезориентировали на время, мешали работать. И этим тоже объясняется, что многие вещи он оставлял надолго. Шестого мая 1961 года он помечает в дневнике: «Начал писать повесть... Как ее назвать? Круги». Это и есть «Директива». Позже добавляет: «Название пришло в Скочково на лыжной прогулке». А уже через три дня после начала работы — девятого мая 1961 года — сам себя подбадривает: «Чтобы писать, необходимо доверие к себе. Надо верить, что все, волнующее тебя, не может не взволновать и других, не может быть для них неинтересным, что любая мелочь, кажущаяся мелочью только на первый взгляд, может оказаться для других вовсе не мелочью. Надо верить себе, довериться...»

Продолжил он эту работу почти через год в деревне Скочково, у себя на родине. Часто он откладывал написанные уже вещи, давая им вылежаться, «созреть», «дойти», как он сам говорил. Почти всегда после опубликования своих произведений он брал журнал или книгу и начинал править. Часто правка была незначительной, иногда — существенной. Это обстоятельство не говорит о незаконченности вещи. Это законченность на определенном этапе работы, жизни. Причем это касается и изданных и неизданных вещей. Особенно такое замечание относится к стихам. Бесконечный процесс доработки, отшлифовки. Например, поэма «Алена Фомина» сохранилась в двенадцати вариантах...

«Директиву» Яшин начал писать в Белозерске, затем по дороге на теплоходе «Фурманов» из Белозерска в Череповец: «17 мая 61 г. До рассвета написал стра-

ничку повести о секретаре РК Твердохлебове (10-ю от начала). Писал он медленно, тщательно отделявая каждую фразу, и не спешил публиковать уже готовые вещи. Кстати, прозу он писал «чище», чем стихи, почти набело, но тоже правил, добавлял, переписывал.

Перед нами два рассказа, примыкающие друг к другу, хотя лежат у автора в разных папках. Можно их назвать так: сцены из жизни областного и районного начальства. Писателю довелось много общаться с партийными руководящими работниками разного масштаба, так что эта сторона жизни ему хорошо знакома.

Александр Яшин обладал редким качеством: он не просто был социальным писателем, а вся общественно-экономическая жизнь страны была его личной жизнью. В первую очередь это касалось жизни людей, ведения сельского хозяйства, особенно на его родине, в вологодских краях. «Хорошо идут дела у моих земляков — и мне хорошо пишется, плохо они живут — и я живу плохо». Тут — прямая зависимость. Он досконально, до мелочей знал, чем живет его район, область. Помимо записей в его рабочей картотеке по поводу «Директивы», к которой он собирал материал, по всем дневникам, записным книжкам есть заготовки на эту тему: таблицы о выполнении и невыполнении планов, сводки, цифры, факты. Любая запись его о сельском хозяйстве, о полуживности дел в деревне, вероятно, была накоплением материала для большой работы. Например: «15 янв. 62 г. Днем в РК и РИке. Першаков говорит: сельское хозяйство не поднять, если и впредь будут спускать сверху по несколько противоречивых директив в год». И дальше: «С народом надо работать! Но как работать? Вот в чем вопрос. Мы и раньше работали. В ЦК предупреждали: придет время, когда мы забудем о бюрократах, об этом расслоении общества, о неравенстве. Или еще запись: «Земля потеряла хозяина. Она истощена. А мы еще вывозим минеральные удобрения за границу. Чудовищно!»

Прошло много лет. То, что тогда критиковалось, теперь зачастую стало пройденным этапом. Но многое еще выглядит современным, и писатель, как бы и сегодня вмешивается в процессы жизни, указывает на наши недостатки, предупреждает нас.

Не безразлична была для Яшина и судьба тех, кто стоял у руля, правя сельским хозяйством. Система их назначения, подчинения. Отношение к земле, к людям. Бескорыстие или тщеславие. «Чистыми» ли руками управляется судьба края, людей... Воссоздано время, когда для того, чтобы вытянуть район из прорыва, главным условием считалась смена секретарей, тасовка их, бесконечная переброска кадров. И вот запись в картотеке по этому пово-

Александр Яшин

ду: «Судьба многих партийных работников. Человек хочет жить на родине, где он знает все и всех. А его посылают в другой район. Только приживется, пустит корни, а его перебрасывают на новую работу, на новое место. И так всю жизнь. Дети не знают, где они родились. Цыгане мы все».

В предлагаемых рассказах много и автобиографичного. В рукописи «Директива» на странице, где идет описание дороги, стоит пометка: «От Шарьи до Никольска». Это та дорога, по которой сам писатель в юные годы не раз ходил пешком, ездил на подводах и грузовиках. Постепенно эта дорога, связывавшая когда-то район с железнодорожной станцией, стала непроезжей, а от деревень, расположенных по обеим сторонам ее, встречавших и провожавших путников, — не осталось ничего. И сейчас она практически не действует...

Стиль повествования у Яшина, как всегда, емкий, точный, сжатый. Это проза поэта. Каждое произведение — особый штрих и к его творчеству, и к его биографии. Тема эта — благоденствие деревни, существования ее — для Яшина тема жизни. Возможно, он расширил бы действие, примет тому много, а может быть, и так оставил бы — не было у него жизни на это, а что нам гадать... Но оба рассказа — это часть его подвига, гражданского, писательского, о котором он спрашивал в одном из своих стихотворений: «Да нужен ли мой подвиг? Ко времени ли он?» — и который, как доказывает жизнь, — «ко времени» и «нужен».

Наталья ЯШИНА.